

за границей и дома

В 1978 году Александр Лазарев основал ансамбль солистов Большого театра, а в 1987-м возглавил его симфонический оркестр.

Мы встретились с Александром Лазаревым в Вашингтоне после гастрольной поездки оркестра Большого театра в США.

— Судя по гастрольной программе Большого, нас чаще видят зарубежные зрители, нежели российские. Не работает ли ваш оркестр исключительно на экспорт?

— Для Большого нет такого понятия, как «экспортное» и «домашнее» искусство: это ита-тадеи русской музыки, дома и «на выезде» мы исполняем лучшие произведения своего репертуара. Шестая симфония Чайковского принимается на ура и в Москве, и в Вашингтоне.

К сожалению, из-за финансовых проблем мы выступаем в Москве реже, чем хотелось бы. Нет средств гастролировать по России и другим республикам бывшего Союза. Но стараемся как-то компенсировать это новыми записями пластинок, компакт-дисков, специальных программ радио.

— Как отразился на исполнительском мастерстве труппы Большого отъезд ведущих его солистов за границу?

— Нынешняя экономическая ситуация, увы, не позволяет государству содержать Большой театр в нормальных финансовых условиях. Да, многие уехали за рубеж, причем не только из-за денег. Большой понес кадровые потери, но не стоит думать, что уехали только лучшие и остались худшие. В России по-прежнему выступает немало настоящих звезд, которые гордятся своей работой в Большом, его традициями. Иногда удивляюсь, что каждый вечер на нашей сцене поднимается занавес, люди спрашивают у входа лишние билеты. Значит, не так уж все плохо, театр жив.

Сила Большого в том, что это единая система, коллектив единомышленников. Здесь нет суперзвезд типа Пavarotti или Доминго, под которых формируется остальная команда, но зато есть ровный подбор профессионалов очень высокого класса.

— Что, по-вашему, определяет признание артиста в мире — солидная школа или «марка», которую он представляет?

— Я работал со многими оркестрами за рубежом и могу сказать, что «крыша», имя фирмы могут помочь только на первом этапе. Это как модный на сегодняшний день костюм, который завтра, может быть, придется навсегда повесить в шкафу.

Все конкурсы прослушивания — это соревнование не документов, а чистоты и красоты звука. Для этого нужны не высокие покровители, а способности, без которых и дома приличной работы не найти.

За границей трудно выходить в большую музыку даже в среднем, не говоря уж о солидном возрасте. В Германии в 25 лет непросто устроиться в хороший оркестр, а в 30 сделать это практически невозможно. Аналогичная ситуация в других странах.

— Сейчас модным стало предсказать чуть ли не неизбежную гибель российского искусства: полупустые залы, выжиженные артисты ходят по мусоркам, выпрашивая деньги...

— Мне, честно говоря, как-то надоело слушать все эти στεванния о развале страны, гибели культуры. Причем рассуждать на эту тему любят как раз те, кто сам ничего не делает для ее возрождения. Как-то уж очень мы себя унизили и заели, превратив жалобы в своеобразный ритуал.

Восстанавливать культуру надо совместными усилиями и артистов, и государства. Большой останется Большим, кто бы ни сидел в Кремле. Пока же правительство душит театр налогами, хотя мы не завод и никаких материальных ценностей не производим. Нет льготного налогообложения и для тех предпринимателей, которые могли бы оказать нам поддержку, — многие американские оркестры, например, только за счет этого и существуют.

Нам всем надо не дискутировать на тему «что делать», а вносить посильный вклад в развитие национальной культуры, утверждая образ России как великой, просвещенной державы.

Беседу вел

Юрий СИГОВ —
специально для «МН»
Вашингтон